

Дорога прощения

Вадим Сайгафаров

Вадим Сайгафаров

Дорога прощения

«Автор»

2025

Сайгафаров В. Ф.

Дорога прощения / В. Ф. Сайгафаров — «Автор», 2025

Игорь и Алина – брат и сестра, их связывает только кровь и годы взаимных обид, вылившихся в презрение и ядовитые слова. Они живут рядом, но в параллельных вселенных ненависти. Их вынужденное путешествие начинается. Дорога полна опасностей: не только физических (голод, холод, травмы), но и куда более страшных – демонов их прошлого. Каждый шаг вперед – это шаг сквозь тернии взаимных упреков, незаживших ран и глубокого недоверия. В этой борьбе за выживание происходит невозможное: вражды **лед начинает трескаться.** Вынужденная близость, необходимость защиты и помощи друг другу обнажают то, что годами скрывалось под маской злобы: **боль, страх, одиночество... и хрупкую нить родства, которую так и не смогли разорвать.** Они учатся **доверять** – сначала касаясь запястий для опоры, потом сжимая ладони для уверенности. Они видят **знаки надежды** – как белый аист на фоне серого неба. Их бег к далекому спасительному свету наполнен новым чувством – хрупким счастьем единства.

© Сайгафаров В. Ф., 2025

© Автор, 2025

Вадим Сайгафаров

Дорога прощения

****ПРЕДИСЛОВИЕ: ДОРОГА К ПРОЩЕНИЮ, КОТОРУЮ МЫ НЕ ВЫБИРАЛИ****

Эта книга – не о фантастических катастрофах или необъяснимых исчезновениях. Она не о монстрах в лесу, хотя они здесь тоже есть. Самые страшные из них живут внутри нас: ненависть, обида, равнодушие, невысказанные слова.

Эта история – о цене одного слова. ****"Прости"**. И о том, как страшно, невыносимо дорого оно может обойтись, когда его произносят слишком поздно.**

Вы прочтете о двух людях, связанных кровью и разорванных взаимной болью. О брате и сестре, Игоре и Алине, чьи миры были выстроены на фундаменте вражды и непонимания. Они дышали одним воздухом, но жили в параллельных вселенных ненависти. Они видели друг в друге не родственную душу, а отражение собственных неудач, разочарований и боли, которую не умели вылечить.

Их путь к друг другу начался не с откровенного разговора или душевного порыва. Он начался с ****падения****. С аварии, которая должна была стать концом, но стала лишь началом другого, куда более мучительного путешествия. Путешествия, где реальность переплелась с галлюцинациями отчаяния, где граница между жизнью и смертью стала зыбкой.

Вы пройдете вместе с Игорем и его сестрой сквозь ледяные воды, темные леса, пустые деревни и бесконечные дороги. Вы увидите, как лед вековой вражды, треснув под давлением смертельной опасности, начал медленно таять, обнажая сырую, болезненную почву чего-то нового – хрупкого доверия, невольной заботы, понимания мотивов друг друга. Вы станете свидетелями их первых искренних слов, их первого настоящего смеха, их первой попытки ****выбрать**** друг друга, а не отвергнуть.

Эта история – о том, как ****смертельная близость**** может стать мостом к ****истинной близости****. Как потеря всего может заставить увидеть то единственное, что было важно всегда, но так яростно отвергалось. Как видение ушедшего может стать самым страшным наказанием и самым великим даром прощения одновременно.

Это книга о ****вине****, которая гложет сильнее волчьих клыков. О ****тоске****, которая холоднее речной воды. О ****любви****, которая, запоздав, становится самой пронзительной болью. И о ****силе****, которую мы обретаем не для победы, а для того, чтобы вынести эту боль. Чтобы жить дальше. Чтобы не обидеть память ушедшего своим падением в бездну отчаяния.

Эта история о том, что ****"Прости"**. нужно говорить сейчас. Пока руки живых могут обнять. Пока уши живых могут услышать. Пока не останется только холодный камень, горсть осенних листьев и вечное эхо невысказанных слов в пустоте оставленной комнаты.**

Откройте следующую страницу. Пройдите эту дорогу. Возможно, она заставит вас по-другому взглянуть на тех, кто рядом. И сказать нужные слова. Пока не поздно.

****Глава 1: Дешевая Победа****

Вечерний воздух был теплым и пыльным, пахнувшим выхлопными газами и подгоревшим маслом от перегретого двигателя. Игорь с глухим лязгом захлопнул дверцу своего старого, выдавшего виды «Жигуленка» цвета выцветшей ржавчины. Машина, доставшаяся от деда после его смерти, скрипнула пружинами, будто вздохнув с облегчением, что остановилась. Сам Игорь, высокий и угловатый парень лет восемнадцати, казался немного неуклюжим в своей потрепанной черной ветровке из дешевого синтетического материала. Его грязно-русые волосы были небрежно зачесаны назад, открывая лицо с резкими чертами – крупным носом, упрямым подбородком и серыми глазами, в которых сейчас читалась натянутая бравада, призванная скрыть вечную усталость и раздражение. Следы недавних прыщей на скулах и лбу выдавали его возраст и не самый здоровый образ жизни. Он потянулся, костяшками спины хрустнуло, и направился к входу в клуб «Энергия», стараясь придать походке развязную уверенность, которой не было внутри. Музыка из заведения – дешевого, на окраине – глухим, назойливым пульсом билась в стены. Сегодня пятница, и ему смертельно хотелось забыть. Забыть о проваленном тесте, о вечном напряжении дома, где мать тащила все на себе, о его собственной бесполезности.

Он привычно оглядывал очередь у входа – шумную, потертую толпу – и вдруг его взгляд наткнулся на знакомую фигуру. Сердце екнуло.

****Алина.**** Его младшая сестра, шестнадцатилетний бунтующий подросток в миниатюре. Она была заметно ниже брата, но компенсировала это яростной энергией. Ее тонкую фигурку обтягивало короткое платье кислотно-зеленого цвета из дешевого сетевого магазина, явно купленное на сэкономленные деньги. На ногах – неуклюжие платформы, пытающиеся добавить роста. Но больше всего бросались в глаза волосы: выкрашенные в неистовый, почти неоновый розовый цвет домашней краской, они торчали в беспорядке, местами виднелись темные корни. Лицо было перегружено косметикой: слишком толстый слой тонального крема, пытающийся скрыть подростковые несовершенства, ярко-синие тени и густо накрашенные ресницы, алая помада, слегка выходящая за контур губ. На плече висел маленький рюкзачок, выглядевший нелепо рядом с ее попыткой казаться взрослой. Она нервно переминалась с ноги на ногу со своими двумя подругами, такими же яркими и немного потерянными в этой полутьме. «Вместо подготовки к экзаменам», – прошипело в голове Игоря. Злость смешалась с желанием самоутвердиться.

Игорь, игнорируя очередь, прошел напролом к группе девушек. Его цель – самая смешливая из подруг Алины, рыжеволосая. Он подошел вплотную, перекрывая Алине доступ к подруге, и выдал натянутую улыбку. Его ветровка пахла бензином и старым пластиком.

– Привет, красавица! – голос прозвучал громко, с фальшивой бравадой. Он нарочито не смотрел на сестру. – Не замерзла тут? Может, прогуляемся? Я на своем... – он небрежно махнул рукой в сторону старого «Жигуля», – ...экипаже подвезу.

Рыжая подруга смущенно захихикала, но Алина вскипела мгновенно. Она резко шагнула вперед, буквально оттолкнув Игоря плечом. Ее розовые волосы взметнулись, а глаза, подчеркнутые синими тенями, сверкали холодной яростью.

– Слушай, Игорь, вали отсюда! Быстро! – ее голос резанул, как нож. – Иди со своими алкашами тусить, нам тут не нужны твои дешевые понты! Мама же сказала тебе дома сидеть!

Игорь фальшиво усмехнулся, пытаясь скрыть, что ее толчок и тон, да еще упоминание матери, задела. Его серые глаза сузились.

– Давай ты сегодня не будешь портить мне настроение, мелкая? – произнес он с преувеличенным спокойствием, делая акцент на слове «мелкая». – Я отдыхать пришел. А ты? Маме втихаря сбежала? Опять двойку схлопотала?

– Бла-бла-бла-бла! Настроение у него! – Алина передразнила его, щеки под слоем крема пылали от гнева. – У тебя каждый день пьянки с такими же нищобродами – вот твое «настроение»! Уйди с глаз долой, гнида! Ты воняешь дешевым пивом и тупостью! – Она резко поманила тонкой рукой перед его лицом. Дешевые пластиковые браслеты звякнули. Подруги Алины отпрянули.

Искра в глазах Игоря вспыхнула ярко. Ее слова «нищоброд», «воняешь» ударили по больному. Маска бравады сползла, лицо стало жестким, злым.

– Да пошла ты! Куда подальше! – вырвалось у него тихо, но с концентрированной злобой.

– Ну и куда же? – бросила она вызов, подняв подбородок, хотя в ее глазах мелькнул страх.

Именно этого он и ждал. Игорь резко повернулся к вышибалам:

– Эй, мужики! Вы чего слепые?! Это же моя сестренка, Алина! – Он ткнул пальцем в ее сторону. Алина побледнела под косметикой. – Ей в школу еще! В школуууу! Слышите?! Восемнадцати-то нет! Вот честное слово! Гоните ее отсюда!

Эффект был. Охранники мрачно смотрели. Люди в очереди захихикали. Алина застыла. Весь гнев сменился ледяным стыдом и унижением. Глаза широко раскрылись, наполнившись слезами, которые смывали тушь.

– Мразь... – прошептала она, голос дрожал. Она схватила подруг за руки. – Пойдемте. Быстро. Нельзя здесь стоять... рядом с этим отбросом.

Она резко развернулась, почти потащив за собой подруг. Ее розовые волосы и кислотно-зеленое платье мелькнули в полутьме боковой улицы и исчезли.

Игорь смотрел им вслед. Привкус победы был горьким. Он плюнул под ноги.

– Ну и вали давай! – крикнул он вдогонку, голос сорвался. – А я завтра маме доложу! Пусть знает! – Мысль о матери, о ее усталом лице, кольнула.

Он сунул руку в карман потрепанных джинс, достал смятую купюру и сунул ее вышибле. Дверь захлопнулась за ним.

Внутри клуба «Энергия» было душно, липко и громко. Дешевые стробоскопы резали глаза. Игорь протиснулся к барной стойке, заказал самое дешевое пиво. Осушил половину залпом, пытаясь смыть стыд. Пена оставила горьковатый налет. Он толкнулся на танцпол, влился в толпу, начал резко, почти агрессивно двигаться под музыку, закрыв глаза. Его угловатая фигура в потертой ветровке резко выделялась среди других.

Тело дергалось в такт, но мысли возвращались к Алине, к ее розовым волосам и смытой косметике, к ее глазам, полным слез. Возвращались к матери. Он только что подложил ей свинью. Улыбка не клеилась. Он был Игорем, парнем в дешевой ветровке и убитых кроссовках, только что унизившим свою сестру в кислотном платье. Казалось, что даже этот дешевый кайф не мог заглушить гадкий осадок и чувство, что он снова все испортил. Он закинул голову, не смеясь, и просто продолжал дергаться под громкий ритм, пытаясь заглушить голос, шепчущий о том, что сегодняшняя «победа» была самой жалкой и подлой. Дешевая победа в дешевом клубе. И мать опять будет плакать. Отличное начало вечера.

****Глава 2: Летняя Ссылка: Приговор Тишине****

Яркие, почти белые лучи летнего солнца безжалостно резали глаза, пробиваясь сквозь пыльные щели стареньких штор в комнате Игоря. Они легли полосами на грязный ковер, заваленный вчерашней одеждой, пустыми пивными банками и смятыми пакетами от чипсов – немymi свидетелями его "победы". С улицы несясь пронзительный визг детей, гоняющих мяч, и беззаботная трель воробьев, будто и правда радующихся первому летнему теплу. Для Игоря этот жизнерадостный гвалт врезался в виски, как раскаленный гвоздь. Он сдавленно застонал, прижав ладони к лицу, пытаясь заглушить пульсирующую боль. Голова гудела тяжелым, монотонным шумом, сухость во рту была такой, будто он наглотался пепла. Вчерашнее дешевое пиво отозвалось тошнотворной волной в подкатывающем к горлу желудке. И хуже физического недомогания – тупое, давящее осознание вчерашней сцены у "Энергии" и ее неизбежных последствий.

Он едва успел перевернуться на бок, уткнувшись лицом в прохладную, но пахнущую потом подушку, как дверь в комнату скрипнула. Не дожидаясь приглашения, вошла ****Марина****. Его мать. В утреннем свете она казалась еще более изможденной, чем всегда. Глубокие тени под глазами сливались с сеточкой морщин, а плечи были ссутулены под невидимой тяжестью. В руках она сжимала тряпку для пыли, но видно было, что пришла не убирать. В ее глазах, обычно таких усталых, но теплых, сейчас читалась тревога, горечь и та самая безысходность, которая стала постоянным жильцом их дома с тех пор, как отца не стало.

– Игорь... – ее голос был тихим, хриловатым от бессонницы, но в гробовой тишине комнаты он прозвучал оглушительно. Она подошла к кровати, остановилась, глядя на него сверху вниз. – Сынок... ну когда же вы перестанете? Когда? – Голос сорвался, в нем задрожали слезы, которые она, казалось, выплакала все до единой. – У меня уже... сил нет. Совсем. Каждый день как на минном поле. А вчера... – Марина сглотнула комок, подступивший к горлу. – Алина прибежала... Заплаканная в голос. Истерила. Кричала, что ненавидит тебя, что ты... – она замолчала, будто не в силах выговорить слово, затем прошептала сдавленно: – ...*гнида*. *Гнида*, Игорь! – Она произнесла это так, будто сама обожглась. – После того, как папы не стало... вы только и делаете, что грызетесь! Как звери! Будто радуетесь, что можете друг друга терзать! Мне уже неважно... – Последняя фраза прозвучала как стон.

Игорь приоткрыл один воспаленный глаз, шурясь от яркого света и стыда. Вид матери, ее согбенная фигура, дрожащие руки, сжимающие тряпку – все это ударило сильнее любого похмелья. Он попытался отмахнуться, в голосе прозвучала привычная попытка бравады и самооправдания, но получилось сипло и фальшиво:

– Ну что ты, мам... – он кашлянул, пытаясь прочистить пересохшее горло. – Мы тебя любим, честно-пречестно. Просто... она сама ищет повод. Ну поругаться со мной. Вечно лезет не в свое дело, провоцирует... – Он отвернулся к стене, не в силах выдержать ее усталый, обвиняющий взгляд. Даже ему его слова показались жалкими.

– Повод? – Марина резко выпрямилась, и в ее глазах вспыхнул недолгий, но яростный огонек отчаяния и гнева. – *Она* ищет повод?! Ты что, совсем совесть потерял? Она *плакала*, Игорь! Рыдала! Что ты ей такого наговорил? Что *сделал*? – Она наклонилась к нему, ее тень накрыла его с головой. – Хватит! Хватит лгать и увиливать! Я не могу больше этого слушать! Не могу!

Игорь замер под ее взглядом. В комнате повисла тягостная, давящая тишина, нарушаемая лишь беззаботными криками детей за окном – жестокий контраст их миру. Марина выпрямилась, приняв решение. Голос ее стал низким, твердым, как гранит, без тени колебаний:

– Сегодня же соберетесь. И поедите. К бабушке. В деревню. На неделю. Как минимум. – Она четко, по слогам, выговаривала слова, словно вынося приговор. – Она уже заждалась. Звонила вчера... Говорит, соскучилась по внукам, хочет повидаться. Да и вам... – она тяжело вздохнула, глядя куда-то поверх головы Игоря, – вам обоим надо... воздух сменить. Алине спокойнее готовиться к экзаменам за городом будет. Без этих... – она запнулась, подбирая слово, – ...без этих городских соблазнов и твоих вечерних вылазок.

– Мам! Ну пожалуйста! – Игорь резко приподнялся на локте, мир поплыл перед глазами, но он инстинктивно схватил мать за рукав ее потертой хлопковой кофты. – Ну не надо! Мы там... – он лихорадочно искал аргументы, – ...мы там просто поубиваем друг друга! Честное слово! Бабушке нервы потреплем! Она старая уже! Давай лучше... я тут буду паинькой. Мы постараемся. Хотя бы неделю не ругаться! – Он смотрел на нее умоляюще, пытаясь разглядеть хоть искру сомнения. Мысль о неделе взаперти в деревенском доме с Алиной, кипящей от ненависти после вчерашнего унижения, казалась адом.

Марина медленно, но с непрекращаемой твердостью высвободила рукав из его пальцев. В ее глазах не было ни гнева, ни жалости – только бесконечная усталость и непоколебимая решимость.

– Нет, Игорь. Хватит пустых обещаний, которые тают к вечеру. – Ее голос был тихим, но ледяным, как вода из колодца. – Сегодня. Вещи соберешь. После обеда отвезешь Алину. И сам останешься. Точка. – Она повернулась к двери. – Завтрак на столе. Алина не выходила еще из комнаты. – И, не оборачиваясь, вышла, тихо прикрыв дверь. Звук щелчка замкнувшегося замка прозвучал как последний удар молотка судьбы.

Игорь остался сидеть на кровати, обхватив голову руками. Детский смех за окном теперь казался злой насмешкой. Солнечные лучи, падающие на бардак в комнате, высвечивали его собственное ничтожество. Похмелье, гложущее чувство вины перед матерью, ярость на Алину и теперь еще этот приговор – **летняя ссылка**. Весь мир сжался до размеров его душной комнаты и давящего ощущения полного, беспросветного провала. Он сглотнул горькую слюну. "Ненавидит". Алина кричала, что ненавидит. И мать... мать смотрела на него так, будто видела не сына, а источник постоянной боли и разочарования.

Сдав еще один стон, Игорь тяжело, как старик, поднялся с кровати. Ноги были ватными, во рту – мерзкий привкус меди и вчерашнего перегара. Нужно было "приводить себя в порядок". Хотя бы внешне. Хотя бы для того, чтобы сесть в проклятый ржавый "Жигуленок" и вести свою "ненавидящую" сестру к бабушке. В место, где их взаимная неприязнь будет вынуждена существовать в четырех стенах, без городского шума, под аккомпанемент тикающих часов и назойливого стрекотания кузнечиков за окном – под ****приговором тишины****. Он швырнул в угол смятую вчерашнюю футболку и побрел, пошатываясь, в сторону ванной, чувствуя, как тяжесть на душе лишь нарастает, сливаясь с пульсирующей болью в висках. Лето только началось, а его первое утро уже обернулось началом самого нежеланного "отдыха".

Тишина в квартире была густой, звенящей. Даже детские крики со двора казались приглушенными, словно доносящимися из другого измерения. Игорь, умывшись ледяной водой, которая лишь ненадолго прояснила муть в голове, тихо, на цыпочках, двинулся на кухню. Он не хотел нового скандала, не хотел снова слышать материнские упреки. Ему нужен был кофе. Крепкий, обжигающий, как внутреннее чувство вины, которое он старательно глушил раздражением.

Кухня встретила его слабым утренним светом и... тишиной. За столом, спиной к двери, сидела ****Алина****. Она была неподвижна, как статуя. В ее тонких пальцах была зажата большая кружка. Она медленно, с каким-то почти ритуальным спокойствием, подносила ее к губам, делала маленький глоток и так же медленно опускала на стол. Ни звука. Ни движения, кроме этого плавного ритма. Ее розовые волосы, сегодня небрежно собранные в хвост, открывали шею, на которой виднелись следы неудачно смытой вчерашней косметики. На ней была простая домашняя футболка и шорты – полный контраст с ее вчерашним бунтарским образом. Казалось, весь ее гнев, вся ненависть, выплеснувшиеся вчера, сжались внутри до ледяного, тяжелого ядра.

Игорь почувствовал знакомый укол раздражения. Ее спокойствие, ее отрешенность – это было вызовом. Он хотел видеть ее злой, плачущей, кричащей – это он мог бы парировать своей бравадой. А это... это было непонятно и потому злило еще больше. Он громко откашлялся, демонстративно прошел к столу и плюхнулся на стул напротив нее. Скрежет ножек стула по полу прозвучал оглушительно в тишине. Алина даже не вздрогнула. Ее взгляд был прикован к темной поверхности кофе в кружке.

Минуту длилось тягостное молчание. Игорь наблюдал за ней, за ее бледным, без косметики лицом, за тенью под глазами – следами вчерашних слез. Его пальцы нервно барабанили по пластику стола. Похмельная нервозность требовала выхода. Он не выдержал.

– Ну что... – начал он, нарочито громко, пытаясь сорвать ее оцепенение. Голос был хриплым. – Как погуляли вчера-то? – На его губах расплзлась ехидная, натянутая улыбка. Он ждал взрыва, ожидал, что его слова как спичка подожгут порох ее обиды. – Удачно развеялись? После такого... теплого приема?

Алина медленно, очень медленно подняла глаза. Взгляд ее был пустым, усталым, лишенным всякого огня. Он скользнул по лицу Игоря, не задерживаясь, как по неодушевленному предмету, и вернулся к кружке. Она сделала еще один маленький глоток кофе. И только потом, почти без интонации, глухо ответила:

– Не твое дело.

Фраза прозвучала не грубо, а... отстраненно. Как констатация факта. Как будто он перестал для нее существовать как человек, с которым можно что-то обсуждать. Эта ледяная отрешенность обожгла Игоря сильнее крика. Его ехидная улыбка застыла, превратившись в гримасу. Он чувствовал себя дураком, пытающимся спровоцировать стену.

– Ладно, ладно, – заговорил он быстрее, пытаясь вернуть себе иллюзию контроля, но голос срывался. – Раз не твое дело, то и не лезь. Я к тому, что... – он сделал паузу, собираясь с мыслями. – Собирай свои вещи. Мама приказала. Отвезу тебя к бабушке. – Он снова попытался вложить в слова превосходство, снисходительность. – Хотя некоторое время отдохну от твоих истерик. Воздухом свежим подышу.

Алина снова подняла на него глаза. На этот раз в них мелькнуло что-то – не гнев, не обида. Глубокое, бездонное презрение. И все. Она пожала одним плечом в легком, абсолютно безразличном жесте. Голос ее был ровным, монотонным, как чтение объявления:

– Отдыхай сколько влезет. Что тебе мешает-то тебе.

Она отпила еще кофе, поставила кружку и снова уставилась в окно, в солнечное утро, которое для нее, казалось, тоже потеряло краски. Ее полное равнодушие, ее спокойное принятие его слов, ее *нежелание* даже спорить – это было невыносимо. Это лишало его последней точки опоры в этом конфликте. Он не мог победить того, кто даже не выходил на бой.

Игорь вскочил со стула так резко, что тот грохнулся на пол. Грохот эхом прокатился по кухне. Его лицо исказила злоба, смешанная с бессилием.

– Ага! Сиди тут! – выкрикнул он, уже не зная, что сказать, просто выплескивая клокоущее внутри. Он хлопнул ладонью по столу так, что кружка Алины подпрыгнула, и кофе расплескалось по пластику. – Сиди тут со своим кофе и... молчи! Как рыба! Я пошел собираться! Чтоб к отъезду была готова! Поняла?!

Он развернулся и тяжело зашагал вон из кухни, не оглядываясь. Его шаги гулко отдавались в коридоре, пока он не скрылся в своей комнате, громко хлопнув дверью.

Алина осталась сидеть одна. Она не стала вытирать пролитый кофе. Она просто смотрела на темную лужицу, медленно растекающуюся по столу. Потом ее взгляд медленно поднялся в сторону коридора, туда, где скрылся Игорь. И в ее глазах, таких пустых минуту назад, вспыхнуло то самое презрение, холодное и острое, как лезвие. Оно длилось мгновение, а затем погасло, снова уступив место тяжелой, уставшей пустоте. Она взяла кружку, допила оставшийся холодный кофе и встала. Предстояло собираться в деревню. В ссылку. Своим палачом в ржавой машине. Тишина снова сомкнулась над кухней, но теперь она была пронизана незримыми нитями ненависти и ожиданием долгой, невыносимой дороги.

****Глава 3: Дорога в Тишину: Взгляд со Двора****

Ржавый «Жигуленок» фыркнул черным дымом, содрогнулся и тронулся с места, медленно выползая из тесного двора их хрущевки. Игорь резко переключил передачу, стараясь не смотреть в боковое зеркало. Но он знал. Он ****чувствовал**** этот взгляд на своей спине.

****Марина**** стояла на балконе их третьего этажа. Небольшая, ссутулившаяся фигурка в простом домашнем платье. Она не махала рукой, не кричала напутствий. Она просто стояла, прижав ладони к перилам, и смотрела. Смотрела вслед уезжающей машине, увозящей ее двоих детей – два сгустка взаимной ненависти и боли – в неизвестность. Ее лицо, обычно такое усталое, сейчас было искажено немой тревогой. Глаза, широко открытые, словно пытались впитать последние очертания машины, удержать их хоть на мгновение. В них читалось столько – и бессилие, и отчаянная надежда, что бабушка, этот последний оплот их детства, сможет что-то исправить, и глубокая, гложащая вина за то, что она, мать, не справилась сама. Она проводила их взглядом до самого поворота за угол дома, пока машина не скрылась из виду. И даже потом, наверное, еще долго стояла там, глядя в пустоту, где только что был старый «Жигуль», увозящий ее мир.

* * *

Внутри машины этой тревоги словно не существовало. Вернее, она была погребена под слоями других, более громких ощущений. Салона уже наполнился духотой. Солнце палило через лобовое стекло, нагревая пластик панели приборов до такой степени, что к нему было больно прикасаться. Воздух был густым, спертый, пропитанным стойким запахом бензина, старого машинного масла и... слабого, но въедливого перегара, все еще витавшего вокруг Игоря. Но главным, как и в начале пути, была ****тишина****. Тяжелая, звенящая, непроницаемая стена между передними сиденьями.

Алина сидела, прижавшись к дверце пассажирской стороны, словно стараясь раствориться в металле. Ее лицо было повернуто к окну, взгляд прикован к мелькающим за стеклом городским пейзажам, сменяющимся уже на окраинах серыми промзонами и первыми полями. Она была неподвижна. Только легкое движение ресниц при моргании выдавало жизнь. Ее розовые волосы, собранные в тугий хвост, казались еще ярче на фоне грязного стекла. Она не притрагивалась к включенному радио, где весело трещал какой-то поп-хит, лишь изредка вздрагивала всем телом, когда машина наезжала на особенно глубокую выбоину.

Игорь сидел за рулем, стиснув пальцы на пластике баранки. Похмелье отступило, оставив после себя тягучее раздражение и чувство глупой вины, которое он снова пытался затопить злостью на сестру и на весь мир. Образ матери на балконе – этот немой укор – всплывал в памяти, заставляя его сильнее давить на газ. Старая машина жалобно завывала, но послушно разгонялась. Каждая кочка отдавалась глухим ударом в разбитой подвеске и в его висках. Нервы были натянуты как струны. Ее молчание, ее полное игнорирование его существования сводило его с ума. Он то включал радио громче, то резко переключал станции, то выключал вовсе, надеясь, что хоть что-то выведет ее из оцепенения. Но Алина не реагировала. Она была как неодушевленный предмет.

Он не мог выдержать эту пытку. Ему нужно было сорвать крышку. Он украдкой скользнул взглядом в ее сторону.

– Ну что, – начал он, нарочито громко, перекрывая шум мотора. Голос прозвучал сипло и фальшиво. – Довольна? Свежий воздух уже чувствуешь? Началось? – На его губах расплзлась ехидная, натянутая улыбка. Он ждал хоть что-то. Хоть искру.

Алина медленно, очень медленно повернула голову. Ее глаза, лишенные косметики, казались больше, темнее. Они встретились с его взглядом не с ненавистью, а с холодным, уста-

лым презрением. Как будто он был не братом, а назойливой мухой, от которой устали отмахиваться. Она не сказала ни слова, лишь чуть заметно поджала губы. Этого было достаточно. Игорь почувствовал, как его собственная улыбка застыла и сползла.

– Эй, я с тобой разговариваю! – огрызнулся он, чувствуя, как злость подкатывает к горлу. – Или у тебя язык отнялся после вчерашних истерик? Мама-то как провожала? Видела? – Он кивнул назад, в сторону давно скрывшегося из виду дома, пытаясь хоть как-то ее задеть воспоминанием о матери.

Она отвела взгляд обратно в окно, как будто ничего не слышала. Ее молчание было оглушительным.

Игорь резко выдохнул, его пальцы снова впились в руль. Он сглотнул комок ярости и бессилия. Он снова включил радио, выкрутив громкость на максимум. Оглушительный бит и визгливые голоса заполнили салон, но не смогли пробить стену отчуждения, окружавшую Алину. Она просто слегка наклонила голову, отгородившись и от него, и от шума, уставившись на быстро меняющийся пейзаж за окном – город окончательно сменился бескрайними полями, уходящими к далекому горизонту.

Он ехал быстрее. Желто-зеленая полоса полей сливалась за окном. Мысли путались. Мать на балконе... ее глаза... слово "гнида"... ледяной взгляд Алины... этот дурацкий приказ... И бабушка... **Людмила Петровна**. Ее образ всплыл – теплый, но теперь окрашенный тревогой. Как она их встретит? Что они привезут ей в ее тихий дом? Два вулкана ненависти?

– Слушай, – снова нарушил тишину Игорь, на этот раз без ехидцы, почти деловито, но голос все равно выдавал напряжение. Они уже давно были за городом, трасса была относительно ровной, но пустынной. – Я отвезу тебя к бабушке. Сиди там, готовься к своим экзаменам. Но запомни... – он бросил на нее быстрый взгляд, – ...не выноси мне мозг по дороге. Еще час ехать. Хоть помолчи. Я устал. – Он добавил последнюю фразу, хотя чувствовал себя скорее взвинченным, чем уставшим.

Алина открыла глаза. Она не повернулась, но он почувствовал, как ее внимание на мгновение сфокусировалось на нем. Затем она произнесла тихо, ровно, без тени эмоций, глядя прямо перед собой на убегающую ленту асфальта:

– Отдыхай сколько влезет. Что тебе мешает-то тебе.

Тон был абсолютно ровным, как утром. Те же слова. Та же убийственная индифферентность. Она снова отключилась.

Игорь резко хлопнул ладонью по рулю. Глухой удар эхом отдался в салоне.

– Ага! Сиди! – вырвалось у него. Он чувствовал себя загнанным в угол. Он прибавил газу, хотя скорость и так была приличной. – Сиди и молчи! Как рыба! Бабушке скажешь, что у тебя рот зашили! – Его слова висели в воздухе, глупые и беспомощные. Он замолчал, стиснув зубы.

Алина не удостоила его ответом. Она лишь чуть сильнее прижалась к дверце. В ее профиле читалось напряжение, но не страх перед его ездой, а глухое, беспросветное отторжение.

Машина, громыхая, неслась по пустынной трассе. Поля тянулись до самого горизонта, сливаясь с бледным небом. Деревня, бабушкин дом – все это было еще далеко впереди, за поворотами, за холмами, за долгим часом дороги. Они были все еще ****в пути****. Запертые в металлической коробке под палящим солнцем, в тишине, пронизанной ненавистью и обидой. Взгляд матери с балкона остался позади, как немой вопрос, на который не было ответа. А впереди была только бесконечная дорога и гнетущее ожидание финиша, который казался не избавлением, а лишь началом новой, неизвестной главы их вынужденного сосуществования. Духота сгущалась. Тишина звенела. Дорога в тишину продолжалась.

****Глава 4: Прорыв Тишины: Вода и Воздух****

Бесконечная прямая сменилась узкой дорогой, вьющейся меж холмов, поросших чахлым лесом. Солнце, клонясь к закату, заливало мир багрянцем, но в салоне «Жигуленка» царила своя, сгущающаяся тьма. Тишина кричала визгом несмазанных подшипников, стуком подвески на кочках, прерывистым дыханием Игоря. Алина, прижавшись к дверце, была статуей на фоне пылающего неба, ее профиль – непроницаемой маской.

Они приближались к реке. Дорога взбиралась в гору, к старому бетонному мосту – узкому, обшарпанному, с местами отсутствующими перилами. Небо на западе почернело, первые тяжелые капли шлепнули по лобовому стеклу.

– Вот черт, – хрипло выругался Игорь, дергая рычажок дворников. Резина скрежетала, оставляя грязные разводы. Видимость таяла.

Алина не шелохнулась.

Мост. Колеса заскользили по мокрому бетону. Игорь сбросил газ, вцепившись в руль. Слева и справа – низкие бордюры, а за ними – черная, вздувшаяся от дождей река, с бешеными водоворотами на быстрине.

Внезапно, из-за поворота на встречке, вырвалась слепая фара грузовика. Он несся слишком быстро, не справляясь с мокрой дорогой.

– Дерьмо! – Игорь рванул руль вправо. Колеса потеряли сцепление. «Жигуленка» занесло. Он завертелся боком.

Короткий, пронзительный вскрик Алины – чистый страх, а не злоба – разорвал тишину салона.

Скользкий удар. Жуткий скрежет металла. Грузовик чиркнул по заднему крылу, как ножом. Этого хватило. Машину рвануло к низкому бордюру. Игорь вывернул руль до упора – тщетно. Колеса с грохотом переехали бетонный выступ.

Мгновение невесомости. Игорь увидел лицо Алины в окне – глаза огромные, полные чистого, немного ужаса. Ни тени презрения.

Передок клюнул вниз. Железо скрежетало о бетон. Оглушительный всплеск – и черная вода поглотила их.

****Ледяной шок.**** Темнота. Грохот льющейся воды, заглушающий все. Машина камнем шла ко дну, носом вперед, зарываясь в ил. Вода хлынула через окна, заполняя салон со зловещей скоростью. Холод парализовал.

Игорь отчаянно дернул ремень. ***Щелк.*** Паника сжала горло, но сквозь нее пробился ясный, холодный импульс: ***Алина! Дверь!*** Он рванулся к ней, отталкиваясь от руля. Вода была уже по грудь, сковывая движения. Свет погас, лишь тусклый зеленоватый отсвет с поверхности.

Алина билась как загнанный зверь. Она дергала ручку двери – заклинило! Вода поднималась к ее подбородку. Ее глаза, полные немого ужаса, нашли его. Не ненависть. Мольба. Чистая, первобытная мольба о спасении.

– Окно! – заорал Игорь, вода хлынула в рот. Он захлебнулся, закашлялся, но уперся ногами в пол и рванулся вперед. Течение в салоне уже ощущалось – машина кренилась на бок, вода прибывала неумолимо.

Он схватил ее за плечи. Она инстинктивно вцепилась в него мертвой хваткой, панически цепляясь за жизнь. Игорь не отталкивал. Он нащупал рукоятку механизма ее сиденья, уперся и дернул изо всех сил. Скрип – спинка откинулась! Теперь путь к заднему боковому стеклу был свободен.

– Назад! Лезь! – он заорал, тыча пальцем за сиденье. Вода была у них по подбородок. Алина, задыхаясь, поняла. Отчаянным усилием она протиснулась между сиденьями в пространство заднего дивана. Игорь, отпихивая ее к боковому окну, последовал за ней. Воздуха оставалось сантиметры под потолком, который теперь был стеной. Машина легла на водительский бок.

Игорь нащупал ручку окна. Крутил. Не поддавалось. Заклинило! Он ударил по стеклу локтем – слабо, вода сковывала. Стекло не дрогнуло. Отчаяние ледяной иглой вонзилось в сердце. Он увидел лицо Алины рядом – синеватое, глаза остекленевшие, губы посинели. ***Нет!***

Дикая, неистовая ярость – не к ней, а к смерти, к этой ловушке – вспыхнула в нем. Он собрал все силы, уперся ногами в спинку переднего кресла и со всего размаху ударил каблуком тяжелого ботинка в центр стекла.

Звон! Треск! Вода хлынула в паутину трещин, но стекло держалось. Алина ахнула, вытягивая последние пузырьки воздуха. Вода накрыла их с головой.

****Темнота. Холод. Глухая, давящая тишина под водой.**** Легкие горели огнем нехватки воздуха. В глазах темнело. Игорь видел рядом бледное лицо сестры, ее широкие, полные ужаса глаза. Он ***должен*** был! Он снова оттолкнулся, из последних сил, и ударил каблуком в треснувшее стекло.

Хлоп! С глухим звуком стекло поддалось. Образовалась дыра, размером с футбольный мяч. Течение немедленно схватило их, потянув к пролому.

Игорь не думал. Он инстинктивно схватил Алину под мышки, прижал к себе и судорожно протолкнул ее к отверстию. Она застряла на мгновение, отчаянно забивая ногами. Он уперся

ногами в кресло, почувствовал дикую боль в боку (вероятно, сломал ребро при ударе), и из последних сил рванул ее вперед и вверх, одновременно пиная стекло, расширяя пролом.

Она проскользнула! Ее ноги исчезли в мутной зелени.

Игорь не видел, выплыла ли она. Воздух в его легких кончился. Судорога свела грудь. Свет поверхности был так близко! Он рванулся к пролому, проталкиваясь сквозь течение. Темнота смыкалась на глазах. *Выбраться!*

Сильная рука схватила его за ворот куртки! Ее рука! Она не уплыла! Она ждала, цепляясь одной рукой за край разбитого окна, а другой – ухватила его!

Игорь не помнил, как вынырнул. Он вдохнул с судорожным, хриплым воплем. Холодный воздух обжег легкие. Дождь хлестал по лицу. Он видел Алину рядом, тоже задышающуюся, отчаянно цепляющуюся за скользкий металл тонущей машины. Ее глаза были дикими от ужаса, но в них горела воля.

– Плыви! – захлебнулась она, указывая головой к ближайшему берегу – метров тридцать по течению, где виднелись корни подмытых деревьев. – Течение! Плыви!

Течение было сильным. Машина с жутким бульканьем окончательно скрылась под водой, вырвав у них точку опоры. Их понесло.

Игорь, забыв про боль в боку, забил руками и ногами. Он видел, как Алина, стиснув зубы, делает неуклюжие гребки, пытаясь плыть по диагонали к берегу. Он последовал за ней, отчаянно борясь с ледяной водой и панической слабостью. Каждый гребок давался мучительно. Вода хлестала в лицо, забивая рот и нос. Казалось, берег не приближается.

– Держись! – прохрипел он, не зная, кому адресовал слова – ей или себе. Он видел, как она наглоталась воды, закашлялась, но продолжала плыть, ее розовые волосы темным пятном мелькали на воде.

Этот берег. Эти корявые корни. Они стали единственной целью во всем мире. Игорь плыл, стиснув зубы, видя перед собой только спину сестры, ее отчаянные попытки выжить. Ненависть испарилась. Остался только инстинкт и странное чувство связи – они были в этом вместе. До конца.

Наконец, ноги Игоря задели что-то вязкое – ил. Он отчаянно толкнулся, ухватился за скользкий корень. Рядом, хрипя и отплевываясь, на корягу выкарабкалась Алина. Они выбрались на топкий берег, валясь на мокрую землю под корнями старой ивы. Дождь лил не переставая.

Лежали, не в силах пошевелиться, только судорожно дышали, выплевывая воду. Тела дрожали от холода и шока. Игорь чувствовал дикую боль в боку при каждом вдохе. Он повернул голову. Алина лежала рядом, лицом в грязь, ее плечи судорожно вздрагивали. От рыданий? От кашля? От всего сразу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.